

ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

АЛЛАН МЕГИЛЛ

ПЯТЬ ВОПРОСОВ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Отвечая на поставленные вопросы, автор рассказывает, как интеллектуальная история привлекла его своей широтой и относительной эпистемологической скромностью. Он видит ее, скорее, не как субдисциплину истории, а как междисциплинарное поле, ориентированное на прояснение проблем и привлечение внимания к границам, и считает, что она не должна следовать какому-то одному «правильному» подходу. Автор полагает, что сегодня важными темами интеллектуальной истории являются религия, идентичность, проблемы коллективной мотивации и наши отношения с миром природы.

Ключевые слова: интеллектуальная история, исторический метод, исторические подходы, гуманитарные науки, историческое знание.

1. Почему Вы обратились к интеллектуальной истории? 2. Как бы Вы оценили свой вклад в эту область? 3. Какой должна быть роль интеллектуальной истории по отношению к другим академическим дисциплинам? 4. Что Вы считаете наиболее важными темами и/или достижениями интеллектуальной истории? 5. Каковы наиболее значимые из поставленных проблем в этой области и перспективы / пути ее развития?¹

1. Почему Вы обратились к интеллектуальной истории?

В отличие от других областей, которыми я интересовался и возможно занялся бы в дальнейшем, мое первоначальное обращение к интеллектуальной истории было связано с ненадежностью – на самом деле с несколькими видами ненадежности. Я вырос в городке с населением около трех тысяч человек в северном Саскачеване (или в северной части той части Саскачевана, где можно культивировать зерновые культуры с некоторой вероятностью на успех – на тридцать или сорок миль дальше к северу климат и география устроили заговор против сельского хозяйства). С раннего возраста я чувствовал себя живущим в провинции на краю цивилизации. Мои родители вступили во взрослую жизнь во время Великой Депрессии 1930-х гг., до основания подкосившей рынок сельхозпродуктов. В Западной Канаде депрессия сопровождалась об-

* Редакция признательна издательству *Taylor & Francis* за разрешение опубликовать перевод этой статьи, которая впервые вышла как: *Megill, Allan. Five Questions on Intellectual History // Rethinking History* 15: 4 (December 2011): 489-510.

¹ Я признателен Миккелю Торупу (Mikkel Thorup, University of Aarhus) за то, что он задал мне эти вопросы, и благодарен за советы В. Брекману (W. Breckman), Р. Фелски (R. Felski), Т. А. Говарду (T. A. Howard) и Е. Мидлфорту (E. Midelfort).

ширной засухой. Люди, которые выросли в тех обстоятельствах, зачастую практически не знали, что такое жить в других местах или путешествовать в другие земли. Это объясняло определенную узость взглядов.

Далее, растущая механизация оказала продолжительное экономическое давление, направленное на укрупнение фермерских хозяйств. Поселенцы, осевшие в прерии в конце XIX – начале XX в., извлекли выгоду из 160 акров свободной земли, которую им первоначально предоставили в соответствии с Законом о гомстедах, но в конце концов эти хозяйства оказались нежизнеспособными. В результате, на протяжении многих десятилетий население Саскачевана стагнировало. В переписи 1931 года оно достигло пика – 921 785 чел., в 1976 г. оставаясь практически таким же: 921 325 чел. За то же время население Канады увеличилось почти в два с половиной раза. Многие уехали из Саскачевана.

До 20-ти лет я не видел выступления симфонического оркестра, и узнал, что такое «Ода радости» только когда учился в колледже. Для меня как ребенка олицетворением городского опыта были Реджайна и Виннипег, находившиеся на расстоянии почти 500 миль по существовавшим тогда шоссе. Моя семья редко посещала эти места, и в любом случае я всегда видел их только со стороны. Но «провинциальность» и «окраина цивилизации» – только часть этой истории. Саскачеван являлся землей иммигрантов. Бабушки, дедушки, а во многих случаях и родители моих одноклассников прибыли из других мест. Отличалась и политика Саскачевана. Суровый зимний климат, рассеянность населения, экономическое подчинение провинции сети поставок, контролирующихся бизнес-интересами в Восточной Канаде, и – последнее, но не менее значимое – экономическая разруха 1930-х гг. работали на идеологию кооперации, которая отличалась от собственнического индивидуализма, господствовавшего на большей части территории Северной Америки. Социал-демократическая партия пришла к власти в 1944 г. и оставалась правящей вплоть до 1964 г. Одним из самых сильных впечатлений моего детства была забастовка врачей 1962 г. (и приведшие к ней события), когда перед лицом широкой и хорошо финансируемой оппозиции правящая партия ввела программу всеобщего медицинского страхования, к чему стремились с 1944 г. Премьер-министр и его люди были кем угодно, но только не провинциалами: напротив, они достаточно независимо мыслили, чтобы понять, что большая часть поднятого против новых мер шума была беспочвенной². Кроме того, они имели

² Классическим исследованием того, что неверно названо «социалистической» политикой Саскачевана в середине XX века, является книга Сеймура Мартина Лип-

мужество рискнуть поражением на будущих выборах – и действительно проиграли, но к тому времени новые меры были уже столь популярны, что их трудно было отменить. В течение нескольких лет всеобщее медицинское страхование стало нормой на всей территории Канады.

Подрастая в этом северном сельском ландшафте, я ощутил не столько провинциальность, сколько своего рода диалектику провинциального и космополитического. Конечно, я говорю о собственном опыте, весьма специфическом и отличном от других. Телевидение едва присутствовало: телевизор появился в доме, когда мне было возможно 11 или 12 лет, и его много не смотрели. Был только один канал (черно-белый, разумеется), и прием от находящейся в 80-ти милях трансляционной башни был плохим. Намного значимее было радио. Атмосферные помехи зимой позволяли слушать радиостанции из таких экзотических мест как Чикаго и Омаха. Когда уровень атмосферных помех был особенно сильным, возникало ощущение, что весь радио-эфир заполнен каналами. Ближе к дому радио Си-Би-Си выдавало иногда удивительные вещи – я вспоминаю, например, переданное из Реджайны интервью с премьер-министром Британской Гвианы Чедди Джаганом (Cheddi Jagan): я тогда в первый раз в жизни услышал непонятную фразу «научный социализм»³. Холодными ясными зимними ночами иногда можно было видеть как в северном небе мерцало *aurora borealis* (северное сияние). На 1200 миль к северу поперек Арктики простиралась Отдаленная линия раннего обнаружения (Distant Early Warning Line), предназначенная для предупреждения советской бомбовой атаки на Северную Америку за несколько часов. К югу – какофонический беспорядок Соединенных Штатов – неувыдающий и притягательный источник развлечения.

Интеллектуальная история, казалось, обещала доступ к тому, что было космополитичным, даже универсальным. Можно задать вопрос: почему не философия? Я пробовал заниматься философией, но скепти-

сета «Аграрный Социализм» (*Seymour Martin Lipset. Agrarian Socialism (1971 [1950])*). См. особенно важное исследование Беннета и Крюгера, добавленное к пересмотренному и дополненному изданию, в котором делается акцент на прагматизм этого движения (*Bennett, Krueger. 1971*). Однако я бы назвал это *критическим* или *принципиальным* прагматизмом, потому что для достижения прагматических целей он готов был идти вразрез с обычными политико-экономическими предрассудками.

³ Очень немногие исследования касаются визита Джагана в Канаду в 1961 г. Незадолго до этого я услышал инаугурационное обращение президента Джона Кеннеди, убеждавшего американцев «заплатить любую цену, вынести любые тяготы, преодолеть любые трудности, поддержать любого союзника и противостоять любому противнику» ради поддержания свободного мира, – хороший контраст (*Кеннеди. 1961*). *Любую* цену? *Любого* «союзника»? Конечно, теперь мы стали мудрее.

чески относился к своей способности выдвигать и защищать аргументы такого плана, которыми, как мне казалось, должны были заниматься философы. Как я мог, будучи простым студентом, выбирать между эпистемологическими требованиями Локка и Канта? Действительно, как я мог выдвигать свои *собственные* аргументы в вопросах эпистемологии (или этики, или метафизики), а не только пересказывать и пытаться дать оценку тем аргументам, которые уже выдвинуты великими философами? В ретроспективе я вижу, что мог бы предложить исторический мета-аргумент против самой попытки осуществить выбор между конкурирующими философскими позициями⁴. Хотя я не считаю историцистскую позицию адекватной (так как утверждение о несуществовании такой вещи как универсальное философское утверждение само является универсальным философским утверждением) возможно, я мог бы что-то сказать по этому поводу. Но тогда я не был способен предложить такой аргумент. Не пошел я и в экономику – другую привлекавшую меня сферу, по отношению к которой также чувствовал себя непригодным. Здесь сыграло роль непредвиденное обстоятельство: у меня был блестящий преподаватель экономики на первом году обучения и посредственный на втором. Кроме того, сельская средняя школа, которую я посещал, давала слабую подготовку по математике: в ней не предусматривался даже Precalculus*. Теперь-то я знаю, что я легко мог освоить любую математику, необходимую мне для специализации в области экономики, но тогда я этого не знал.

Вместо этого я обратился к истории. Отчасти потому, что у меня была непрерывная череда хороших преподавателей-историков, но также и потому, что я чувствовал, что в истории я мог делать то, чего не мог, по собственному убеждению, делать в философии и экономике, а именно выдвигать такие аргументы, которые будут оценены как адекватные как моими учителями, так и самой дисциплиной. В этой моей уверенности мне помогло неверное представление о том, что выдвижение разумных аргументов в области истории происходит путем сбора и упорядочивания относящихся к вопросу фактов. Другими словами, в своем понимании исторического аргумента я был наивным эмпириком. И тем не менее, по сути я был прав. Историки как таковые говорят о конкретных исторических ситуациях – сколь масштабными они бы ни были. Перед

⁴ Как это сделал Квентин Скиннер. – См.: *Skinner*. 1969.

* В американском школьном образовании Precalculus является продвинутой формой алгебры. Иногда этот курс называется «введение в анализ». Во многих школах Precalculus – это два отдельных курса – алгебры и тригонометрии. – *Прим. пер.*

историками как таковыми, в отличие от большинства экономистов и философов, не стоит задача выдвинуть некое универсальное утверждение.

Но для меня проблема в других областях истории заключалась в том, что универсальное явно куда-то пропадало. Будь я гражданином большой и могущественной страны, возможно, я бы и не заметил потерю теоретической универсальности. Но я был гражданином страны средних размеров – процветающего, чрезмерно мирного и в целом хорошего, если не сказать временами скучного места на земле – которая не представлялась мне носителем универсального (тем более что страна объединяла две резко контрастирующие национальные культуры – английскую и французскую). Более того, мое происхождение лишило меня способности верить в то, что вообще *какая-то* национальная история может быть носителем универсального. Я отчетливо помню, как услышал слова президента Ричарда Никсона, сказанные им 30 апреля 1973 года в его «Обращении к нации по поводу расследования дела Уотергейта»: «Я глубоко убежден в том, что Америка – это надежда всего мира. И я знаю, что качество и мудрость американского лидерства – единственная надежда миллионов людей по всему миру в том, что они могут мирно и свободно жить»⁵. Эти слова поразили меня как проявление некоего странного американского помешательства. Сегодня же к подобным заявлениям я отношусь еще более скептически.

Мне казалось, что интеллектуальная история предлагает то, чего не могли предложить другие области истории. Утверждения историков, более сдержанные по сравнению с утверждениями (некоторых) философов и представителей социальных наук, больше подходили моему темпераменту. Интеллектуальная история представлялась мне способом заниматься философией, но без чувства вины. Это была возможность увидеть *aurora borealis*, утолить или хотя бы контролировать чрезмерное любопытство. Наконец, интеллектуальная история давала возможность испытать такое изумление, которое ощущаешь, когда слышишь от другого нечто прорицательное, или когда тебя самого посещает озарение как ответ на какие-то слова или мысли прошлого.

Таким образом, то, что я родом из Канады и специализировался в интеллектуальной истории, нет ничего «случайного». Среди интеллектуальных историков Северной Америки канадцы по происхождению составляют небольшое, но непропорциональное число. Можно было бы

⁵ Никсон. 1973. Р. Никсон был не единственным человеком, утверждавшим, что «Америка – надежда мира/человечества». Google® search дает 1 630 000 результатов, в некоторых из них это утверждение опровергается (на ноябрь 2010 года).

объяснить этот факт склонностью провинциалов к тому, что диалектически уравнивает провинциальность, и тем, что крайне сложно представить себе историю Канады несущей на своих плечах Мировой Дух.

2. Как бы Вы оценили свой вклад в эту область?

Я в основном не рассматриваю себя в рамках «внесения вклада в некую область». Если бы я смотрел на это именно с такой стороны, я бы не сделал той работы, которую сделал, и не «потратил бы впустую» столько времени (а я потратил впустую немало времени). Скорее, мною движет собственное любопытство и стремление «разгадать загадку». Несомненно, мне нужно было зарабатывать на жизнь, и это направило мое любопытство в определенные (а не другие) направления. Более того, с самого начала мне было ясно, что если я хочу породить какие-либо достойные мысли, мне необходимо опираться на мысли других. Бессмысленно пытаться заново изобрести колесо. Знание имеет социальный характер (если даже не *исключительно* социальный). Академическое знание в частности зависит от природы предыдущего знания. Чтобы какая-то статья или книга нашла свою нишу в огромном потоке академических исследований, им нужна «зацепка» (или же ряд «зацепок») в ранее написанных трудах. Но я, возможно, формулирую это слишком инструментально! Корпус знания, который существует в настоящее время – «существующая литература» – не просто дает новой книге место. Скорее, существующая литература, благодаря своим собственным лакунам и противоречиям – лакунам, которые *и не существовали бы* без этой литературы – рождает саму возможность новой работы.

В процессе своего образования как интеллектуального историка я научился своего рода исторически-чуткому «внимательному чтению». Но возможно, слово «образование» здесь не подходит. Скорее, я учился в процессе наблюдения – прежде всего, внимательно прочитывая то, что было написано научными руководителями моей диссертации (Jacques Barzun и Leonard Krieger) – и извлекая все возможное из их семинаров. Кригер в некотором отношении оказал на меня большее влияние. По стандартам историков он был исключительно аналитичен, и в течение определенного времени его умение видеть и вскрывать нестыковки и противоречия в теоретической позиции оказали на меня несомненное влияние. Например, я был очень впечатлен его анализом политических идей Канта и Гегеля в его книге «Немецкая идея свободы»⁶. К тому же довольно рано я заметил не очень удачные места этой книги, а именно

⁶ Krieger. 1957. С. 86–138.

попытки Кригера связать между собой социально-политический и теоретический «контексты» (использую здесь слово слишком уж любимое нами историками) обсуждаемых им работ.

Было лучше, когда Кригер занимался только анализом идей. На самом деле, социально-политический «базис» кригеровских исследований был порочен – слишком легко он принял идею (предложенную Эрнстом Трёлльчем, Фридрихом Майнеке и другими немецкими мыслителями в начале XX в.) о существовании особого, *немецкого* исторического пути (*Sonderweg*), отличного от пути развития «Запада»⁷. В то время меня беспокоила не столько проблема содержания, сколько проблема методологии – явная сомнительность предлагаемой Кригером связи между идеями и [социально-политическим] контекстом. Я знал много работ по интеллектуальной истории, которые механически и слишком общо пытались найти обоснование «идеям» в «контексте». У меня не было собственных оригинальных идей относительно правильного метода – я скорее был слишком неуверен в себе, чтобы доказывать существование связей, не имея для этого, как мне казалось, адекватного основания. В любом случае, меня в основном интересовали *сами* идеи – остатки «универсального». Эти рассуждения подтолкнули меня к тому, чтобы написать диссертацию, в которой я попытался описать, объяснить и проинтерпретировать довольно формальный спор между некоторыми мыслителями Просвещения по поводу весьма странно звучащего вопроса: «Предположим, что существуют люди без языка – смогли бы они обрести его самостоятельно, и если да, то как?»⁸. У меня не было какого-то специального плана – просто, когда я готовился к экзаменам в докторантуре в Колумбийском университете, я обнаружил, что на удивление большое число мыслителей XVIII в. (в том числе Кондильяк, Руссо, Мопертюи, Зюсмильх и Гердер) обращались к этому вопросу. Я написал эту диссертацию и в результате получил свою первую академическую должность в Университете Айовы. У меня не было никакого интереса продолжать это исследование; оно уже послужило своей цели, обеспечив меня работой.

Как я уже говорил, мною движет собственное любопытство и стремление «разгадать загадку». В 1975 г., будучи ассистентом профессора в университете Айовы, я слушал лекции Гайатри Чакраворти Спивак, которая тогда преподавала в Университете Айовы, и ее учителя Поля де Мана, которого Спивак пригласила из Йельского университета. Поль де Ман читал лекцию по Жану Жаку Руссо, и мне показалось, что

⁷ Аргументацию против этого тезиса см.: *Blackbourn and Eley*. 1984.

⁸ *Megill*. 1975.

он говорил совсем о другом Руссо, а не о том, который был так хорошо известен мне. Но самое поразительное впечатление произвела публичная лекция Спивак. Фактически это была версия предисловия переводчика к переводу Спивак «О грамматологии» (*De la grammatologie*) Деррида, который вскоре должен был быть опубликован⁹. Те, кто сталкивался с этой книгой, знают, что это предисловие состоит из 78 страниц плотного текста, на которых Спивак представляет Деррида английскому читателю, исследуя его увлечения своими «признанными “предшественниками”» – Ницше, Фрейдом, Хайдеггером и Гуссерлем¹⁰. Эта лекция была таким действием, подобных которому я не видел ни до, ни после этого. Я не совсем понимал, о чем идет речь, но с какой глубиной и вдохновением она была прочитана! Я решил, что нужно выяснить, чем занимаются Спивак и де Ман, а это означало, что нужно было выяснить, чем занимается Деррида – та личность, которая их связывала. Поэтому летом 1976 года я начал читать Деррида.

Нужно понять тот порыв, который пронизывал литературную теорию и смежные области знания в 1970-е гг. Так называемая «Йельская школа» (Гарольд Блум, Поль де Ман, Дж. Хиллис Миллер) и Деррида, частый гость в Йельском университете) была в самом расцвете. Спивак не принадлежала к этой школе (она училась с де Маном в Корнелльском университете, пока он не перевелся в Йельский), но она разделяла их увлеченность, а также, благодаря своему бенгальскому происхождению и тесным связям с Южной Азией, корректировала и усиливала ее. В общем, люди, занятые в самых разных областях исследований, начали серьезно и глубоко задумываться о роли репрезентации в процессе нашего обращения к реальности. В среде ученых-литературоведов Великобритании и Северной Америки начали набирать вес работы Роланда Барта, например, его «Мифологии»¹¹. Другая область, которой я занимаюсь, кроме интеллектуальной истории, – это историческая теория, и в конце 1960-х произошло то, что Артур Данто назвал «закатом и упадком аналитической философии истории»¹², и последующее появление в этой области, по словам Ричарда Ванна, «лингвистического поворота»¹³. Одним из признаков этого поворота был выход в свет в 1973 г. «Метаистории» Хейдена Уайта, которая продемонстрировала возмож-

⁹ Derrida. 1976 [1967].

¹⁰ Spivak. 1976. P. xxi.

¹¹ Mythologies. (1972 [1957]).

¹² Danto. 1995.

¹³ Vann. 1995.

ность риторического анализа исторического дискурса¹⁴. Также в 1970 г. было опубликовано второе издание «Структуры научных революций» Томаса Куна¹⁵. Интерес к этой работе постоянно возрастал, начиная со времени публикации ее первого издания в 1962 г., но в 1970-х гг. внимание к ней резко возросло в связи с тем, что ученые различных областей пытались применить на практике ее уроки. Результатом стала очень широкая, охватывающая разные области дискуссия о природе знания. Я был прекрасно осведомлен об этой дискуссии во время моей работы в Университете Айовы (с 1974 по 1990 г., с трехлетним перерывом, когда я работал в Австралии с 1977 по 1979 г.). Например, в течение моих первых двух лет работы в Университете Айовы имел место памятный визит Хейдена Уайта, а также литературных критиков Стенли Фиша и Барбары Херрнстейн Смит. Все трое глубоко интересовались вопросом о том, что можно считать знанием.

Вплоть до 1980-х гг. эта дискуссия была известна лишь небольшому кругу историков¹⁶. Я написал свою первую книгу¹⁷ не потому, что хотел внести свой вклад в интеллектуальную историю, а потому что хотел разрешить те загадки, которые посеяли в моей голове Спивак, де Ман, Уайт, Кун и другие. Я начал с Деррида, но сначала мне было трудно понять, к чему он клонит. Однако одной из самых поразительных его вещей была глава в его «Письме и различии», которая называется «Cogito и история безумия», глава о Мишеле Фуко, с чьими работами я уже до этого сталкивался¹⁸. Прочитав эту и несколько других глав в «Письме и различии», я вновь обратился к Фуко – не для того, чтобы его «контекстуализировать», а для того, чтобы просто разобраться в том, чем он занимается. В результате, в 1977 г. я отослал большую работу редактору *Journal of Modern History* Уильяму Макнилу, который занимался всемирной историей. В своем ответе Макнил написал, что никогда ранее не слышал о человеке по имени Мишель Фуко и сначала подумал, что моя работа, должно быть, касается изобретателя маятника Фуко. Он, тем не менее, принял работу к публикации, и она увидела свет в 1979 г.¹⁹ А я тем временем продолжать писать то, что в конечном счете превратилось в *Prophets of Extremity*.

¹⁴ White. 1973.

¹⁵ Kuhn. 1970.

¹⁶ Единственным исключением следует назвать теорию науки Куна, широко обсуждаемую в 70-х гг. в социальных науках. Историю вопроса см.: Hollinger. 1973.

¹⁷ Megill. 1985.

¹⁸ Derrida. 1978 [1967], 31-63.

¹⁹ Megill. 1979.

Я рассматриваю *Prophets of Extremity* как свой вклад в интеллектуальную историю. Безусловно, любая книга, законченная 27 лет назад (осенью 1983 года), выглядит примерно как слегка неуклюжий старый знакомый, неожиданно появившийся на свадьбе. Я не рассматриваю *Prophets of Extremity* как образец того, как следует писать интеллектуальную историю. На самом деле некоторые из моих последующих работ можно рассматривать как попытки исправить ошибки или упущения в этой книге. Самой заметной из них можно назвать мою работу над книгой *Rethinking Objectivity*²⁰, которую я редактировал и к которой написал введение; я также размышлял по поводу объективности в своей книге *Historical Knowledge, Historical Error*²¹. В этих работах я подспудно исправлял некоторые из упрощенных замечаний по поводу субъективности и объективности в *Prophets*. Представленное в этих книгах мое видение объективности отражает мой взгляд на Фуко с большим количеством оттенков и меньшей степенью неоднозначности, чем тот, что был предложен в *Prophets* и особенно в статье в *Journal of Modern History*, из которых очевидно, что я был одновременно и глубоко очарован Фуко, и слишком критически и полемически настроен по отношению к нему.

Другой недостаток *Prophets of Extremity* состоит в том, что я неадекватно рассмотрел и не объяснил свой подход в этой книге, которую я написал на основе того, что я рассматриваю «X как нечто», а подобное заявление сильно отличается от утверждения, что «X есть это нечто»²². Например, я не утверждал, что Ницше был «эстетом»; я скорее представил взгляд на Ницше «как на эстетика». Говоря шире, я предложил *взгляд* на то, что я назвал «кризисным мышлением» (crisis thought), но это вовсе не является утверждением о существовании кризиса, будь то в прошлом ли или настоящем. Иногда людям трудно понять эту разницу. Поэтому, в частности, я посвятил большую часть *Historical Knowledge, Historical Error* роли предположения в истории. Предлагать умозрительное, странное, корявое объяснение реальности не является эпистемологическим грехом, если подобные объяснения идентифицируются именно как умозрительные и служат некоей поясняющей цели.

²⁰ Megill. 1994.

²¹ Megill. 2007a.

²² Очень жаль, что историки еще не приняли в достаточной мере взгляд философа истории Франка Анкерсмита, утверждающего, что предположение о том, что мы рассматриваем что-то как нечто, является исключительно важным в понимании того, чем занимаются историки. См., например: Narrative Logic (*Ankersmit*. 1983), p. 82–86; Sublime Historical Experience (*Ankersmit*. 2005), p. 41–43; A Semantic Analysis of the Historian's Language (*The Hague: Nijhoff*. 1983), p. 82–86; *Ankersmit*. 2005. P. 41–43.

В то время, когда я написал *Prophets of Extremity*, это была преждевременная и чрезвычайно амбициозная работа. Она была преждевременна в двух смыслах. Она вышла в свет до того, как появились архивы Фуко или Деррида или какие-либо доступные архивы Хайдеггера, а также до публикации (хотя бы в сомнительной редакции) многих рукописей Хайдеггера. Далее, она вышла в свет раньше, чем я обрел философскую компетенцию, достаточная для того, чтобы по достоинству оценить философское содержание «Бытия и времени» (*Being and Time*) (так, по меньшей мере, мне кажется). Другими словами, с философской точки зрения, *Prophets of Extremity* – работа спорная. Но некоторым она показалась интересной и продавалась гораздо лучше других моих книг. Но это «в прошлом». Недавно меня спросили, дал бы я свое согласие на ее перевод на русский язык (*Karl Marx: The Burden of Reason*²³ и *Historical Knowledge, Historical Error*²⁴ уже появились в русском переводе). Я сказал нет, потому что она не дотягивает до существующего в России уровня читателя философской литературы. Было бы гораздо лучше, если бы вместо этого я написал другую книгу.

Я работал над *Prophets of Extremity* с 1977 по 1983 г., в Австралии, а потом опять в Соединенных Штатах. Следовало ли мне написать другую книгу – более узкую и не столь амбициозную? Я так не думаю. Некоторые аспекты книги все еще хороши, по крайней мере, в качестве умозрительных конструкций – например, рассмотрение Ницше, Хайдеггера, Фуко и Деррида в ракурсе *crisis thought*. Безусловно, существуют и другие способы рассмотрения сформулированных, теоретически ориентированных идей прошлого, чем тот, которым я оперировал в *Prophets*. Например, можно было бы попытаться увидеть в них репрезентации или намеки на *что-то иное* – например, биографию, политику, общество, религию, культуру. Или же пояснения способа «переживания» конкретного времени и места. В то время как все эти подходы вполне легитимны, существует также опасность, что в процессе разработок этих подходов серьезные теоретические гипотезы, предложенные мыслителями прошлого, вместо того, чтобы быть подвергнуты исследованию, будут редуцированы до уровня «текста» или «дискурса» (каковыми они, конечно, отчасти являются). Теоретические аргументы предполагают – а на самом деле, *требуют* – ответы на теоретическом уровне. Опасность состоит в том, что интеллектуальные историки могут потерять из вида теоретическое содержание текстов прошлого – так что, например,

²³ Megill. 2002; Megill. 2011.

²⁴ Megill. 2007a; Megill. 2007b.

Маркс, станет просто изобретателем какого-то конкретного «дискурса», чьи теоретические идеи вообще не нужно серьезно исследовать.

3. Какова роль интеллектуальной истории по отношению к другим академическим дисциплинам?

У меня есть оговорка по поводу явной посылки этого вопроса, а именно того, что интеллектуальная история обладает (или же должна обладать) таким качеством, которое позволило бы говорить о *единственной* ее роли. Например, в начале своей карьеры Квентин Скиннер в своей широко обсуждавшейся статье «Значение и понимание в истории идей» набрал множество очков в свою пользу благодаря заявлению, что он открыл «*единственно* адекватную (appropriate) методологию для истории идей» (курсив мой – А. М.)²⁵. Скиннер – проницательный и тонкий мыслитель, он скорректировал свою первоначальную методологическую позицию как на практике, так и в последующих методологических дискуссиях, поэтому вопрос по поводу позиции Скиннера слишком сложен, чтобы быть представленным здесь²⁶. Я всего лишь хочу подчеркнуть, что необходимо затронуть *два* вопроса. Один из них – это поставленный в работах Скиннера вопрос, а именно, что является адекватным для истории идей методом? Второй вопрос – метафизический: что оправдывает предположение о том, что вообще существует *единственно* адекватный для истории идей метод? Этот вопрос практически не обсуждался; обычно просто подразумевается положительный ответ.

На самом деле, существует некий уровень, на котором любая академическая дисциплина должна разделять общие методологические принципы и процедуры – по меньшей мере, если она претендует на то, чтобы способствовать развитию знания. В данном случае я употребляю слово «знание» (knowledge) в смысле *науки* (science – англ.), *Wissenschaft* (нем.), *науки* (рус.) – другими словами, я подразумеваю такие утверждения или группы утверждений, которые (а) закреплены intersubjectively действующими процедурами для поиска или приведения

²⁵ Skinner. 1969. Слово сочетание «адекватная (appropriate) методология» появляется в статье четыре раза, «адекватные (appropriate) процедуры» – один раз, «адекватные (appropriate) средства» – один, и «адекватный (appropriate) метод» – тоже один. Вообще, термин «адекватный (appropriate)» встречается в эссе девятнадцать раз (плюс один раз слово «адекватно» (appropriately)). Основопологающей идеей, фактически, кажется поиск релевантности (propriety): исторические работы должны быть выполнены «надлежащим образом» (proper) (тринадцать раз). В значительной мере Скиннер ведет атаку на заведомо негодную работу. Он называет такую работу *inadequate* – два раза, *inappropriate* – два раза и (конечно) *improper* – один раз.

²⁶ См. введение в эту дискуссию: Tully. 1988; Palonen. 2003; Skinner. 2002.

относящихся к вопросу доказательств, и (б) распространяются путем передачи, обсуждения, дебатов и повторной рефлексии, в процессе которых критически исследуются эти доказательства и их заявленная релевантность. Нужно следить за тем, чтобы убедиться, что конкретные заявления, так же как и более общие утверждения, в рамках которых они делаются, соответствуют (и пропорциональны) поддерживающим их доказательствам и аргументам. Существуют пересекающиеся между собой круги историков, ученых в области социальных наук и представителей других сфер гуманитарного знания, которые придерживаются очень сходного набора процедур и эмпирических правил в отношении этой эпистемологической задачи²⁷.

Историки в целом и интеллектуальные историки в частности придерживаются – когда работают хорошо – очень сходного набора процедур и эмпирических правил, которые приспособлены именно для исследования той отсутствующей реальности, которой является прошлое. Можно объединить эти процедуры и эмпирические правила общим названием «метод». Среди таких эмпирических правил – то, что свидетельство из первых рук лучше, чем вторичное, а сведения, полученные непринужденно, обычно лучше свидетельских показаний. Кроме того, ученый обязан как можно понятнее изложить свои доказательства и аргументы, чтобы его работу можно было критиковать и корректировать, а также определить, где именно он вторгается в область спекуляций и подвергнуть эти спекулятивные утверждения («абдуктивные суждения») компаративному анализу²⁸. Не придерживаясь таких методов, главная функция которых состоит в том, чтобы минимизировать вероятность ошибки, любая дисциплина или область знания вряд ли может претендовать на то, что одной из ее основных задач является расширение человеческого знания. Короче говоря, историческая дисциплина, как и отдельные области внутри нее, должны быть унифицированы на уровне исторического *метода*.

Другое дело, когда мы обращаемся к историческим подходам. Зачастую, когда историки (или историки-аспиранты) говорят об «исторических методах» – например, на занятиях по «историческим методам» –

²⁷ Необходимо заметить, что гуманитарные науки занимаются не только знанием в обобщенно научном смысле, но также и более «экзистенциальным» проектом вербализации проявлений человеческой жизни. Это наиболее наглядно явлено в искусстве, но также является частью – или *должно* являться частью – любого исследования условий человеческой жизни. Следует внимательно относиться к тому факту, что науки о человеке являются гибридом «научных» и «ненаучных» элементов.

²⁸ Эти вопросы затрагиваются в нескольких главах в: *Megill*. 2007a.

они вообще не имеют в виду никакой метод (или же, если они все-таки имеют в виду метод, то только время от времени, и то мимоходом). Примером «исторического метода» можно назвать регрессивный анализ (в применении к историческим данным). В данном случае я определяю метод как ряд процедур, направленных на то, чтобы помочь ученому избежать ошибок. Многие из магистерских курсов по «историческим методам», преподаваемые в американских университетах, в действительности не предлагают студентам никакого систематического введения в исторический метод. Аспиранты гораздо чаще получают систематическую подготовку в методе (если это вообще происходит) в процессе взаимного общения с профессорами, когда они пытаются писать свои профессиональные труды. Многие курсы под заголовком «исторические методы» на самом деле являются введением в различные подходы, которые популярны в последнее время. Нет ничего плохого в том, чтобы рассказывать студентам о многочисленных «исторических подходах»: я всего лишь хочу отметить, что в данное время на исторических факультетах американских университетов почти нет формального обучения «историческому методу». Мы можем давать словам какие угодно определения – например, мы можем сказать, что преподаем метод, в то время как на самом деле мы преподаем подходы – но в результате, если у нас не будет некоей категории (как хотите, это назовите), которая определяет то, что мы за ней «спрятали», мы, скорее всего, запутаемся.

В зависимости от обстоятельств (например, характера свидетельств; степени исследованности конкретных областей; особенностей и интересов историка; особенностей и интересов аудитории на которую рассчитывает историк; характера и интересов других специалистов в данной области; того, чем в данный момент занимаются в других областях и дисциплинах, и т.д.), «подходы» будут самые разнообразные. Вообще, поскольку мы касаемся исторических подходов, хорошим советом здесь может быть мысль «да будет разноцветье»²⁹. Разные цели и обстоятельства требуют разных подходов. Интересует ли историка в основном описание недостаточно описанной до сих пор исторической реальности (вспомним броделевское «Средиземноморье и средиземноморский мир» или «Уничтожение евреев Европы» Рауля Хильберга³⁰)? Интересует ли его прежде всего объяснение чего-то, что, по его мнению, не получило до сих пор адекватного объяснения (на ум приходят многочисленные исследования по Холокосту, появившиеся после рабо-

²⁹ *Martin*. 2010.

³⁰ *Braudel*. 1972-73 (1949, 1966), *Hilberg*. 2003 (1961).

ты Хильберга)? Хочет ли он упорядочить относящиеся к некоей области свидетельства, чтобы создать более надежную доказательную базу для дальнейших исследований (вспомним Пауля Оскара Кристеллера, историка мысли эпохи Возрождения, который потратил годы на то, чтобы составить каталог ранее не каталогизированных средневековых и ренессансных манускриптов³¹)? Интересно ли ему обратить внимание на (не зафиксированные) жизнеописания людей, которые до последнего времени не рассматривались как часть истории (вспомним Натали Земон Дэвис «Возвращение Мартина Герра»³²)? Хочется ли ему обогатить наше представление об истоках современной философии или науки, прояснив аспекты более ранних идей (вспомним исследования Стивена Надлера по философии раннего Нового времени, Кэри Недерман – по политической теории Средневековья и раннего Нового времени, Лоррейн Дастон – о развитии научного знания в раннее Новое время³³)? Или прежде всего ему интересно вступить в «диалог» с предшествующей мыслью (именно такое направление акцентирует Доминик Лакапра³⁴)?

В своей классической статье «Историк и его день» Дж. Г. Хекстер, шуточно обыгрывая устоявшееся выражение о том, что мышление историка определяется заботами «его дня», утверждает, что настоящий «день» был прожит им не в 1950-х гг. в Сент-Луисе штата Миссури, а в Англии раннего Нового времени³⁵. Понимаю, о каком психологическом моменте он говорит: я сам не раз проживал такие моменты. Более того, я бы взялся утверждать, что отстраненность от настоящего является в определенной мере основополагающим качеством при написании истории. Парадокс состоит в том, что историки одновременно и принадлежат, и не принадлежат настоящему. По крайней мере, если они действительно занимаются своей работой. Хотя тот самый Джек Хекстер, который написал «Историк и его день», мог бы шутя это опровергнуть: мы почти *a priori* знаем, что различные предубеждения, проистекавшие из его личного опыта, проникли в его подход к прошлому (то же можно определенно сказать по поводу другого историка, который любил заявлять об «автономности» исторической практики – Дж. Р. Элтона³⁶). Но настоящее, разумеется, постоянно меняется. Следовательно, в результате не только сложности прошлого, но и многообразия настоящего,

³¹ Kristeller et al. 1960.

³² Davis. 1983.

³³ Например: Nadler. 1989, Nederman. 2009, Daston. 1988.

³⁴ Например: LaCapra. 1993.

³⁵ Hexter. 1961 [1954].

³⁶ Elton. 1967. P. 7–11.

спектр «подходов» к прошлому почти невообразимо широк. И поэтому ошибочно говорить о *единственной* роли (адекватной или неадекватной) интеллектуальной истории, либо любого другого вида истории.

Вопрос с интеллектуальной историей в частности еще более сложен, чем с почти всеми другими областями истории, потому что интеллектуальная история – это жанр, практикуемый в различных гуманитарных дисциплинах. Например, редакционная коллегия *Journal of the History of Ideas* традиционно включает в себя не только представителей разных областей исторического знания, но и философов, антиковедов, литературоведов, историков искусства, историков музыки, историков науки и исследователей в области политической теории. Есть некое общее чувство истории, но проявляется оно по-разному. И даже если бы мы, ради аргументации, ограничили поле интеллектуальной истории теми, кого можно назвать историками в дисциплинарном или «ведомственном» смысле этого слова, мы обнаружили бы, что эти люди имеют дело с огромным разнообразием времен, пространств и культур. Будучи интеллектуальным историком, живущим в Соединенных Штатах и сосредоточенным на определенных «высоких идеях», предложенных неким кругом европейских мыслителей (в основном Нового времени), я замечаяю, что мне постоянно приходится напоминать себе о том, насколько провинциальной является эта перспектива – хотя когда-то она представлялась мне «энной» степенью космополитизма³⁷.

Однако и это еще не все. Во многих своих проявлениях интеллектуальная история с очевидностью проявляет свое родство с такими областями как история искусства, история музыки и история литературы и литературоведение в широком смысле, так как (сродни этим областям) интеллектуальная история часто имеет дело с предметами, которым люди приписывают некое культурное значение в настоящем. Я понятия не имею, какое количество исследований проведено музыковедами по Генделю, Гайдну, Моцарту и Малеру, или историками искусства – по Рубенсу, Рембрандту, Мане и Пикассо. На деле можно заподозрить, что во многих случаях, даже когда конкретные объекты исследования, быть может, и не рассматриваются однозначно как «великие», историки культуры склонны изучать эти объекты отчасти потому, что их привлекают сами эти предметы (т.е. как творения «первых лиц»). Подобным образом, очевидно, что то внимание, которое привлекают такие исследования, связано с ощущением читателей, что рассматриваемые предметы – как и породившая их культура – *стоят* их внимания.

³⁷ Ср.: Chakrabarty. 2000.

Давайте теперь обратимся непосредственно к интеллектуальной истории: почему мир терпит лавину работ по Гоббсу, Локку, Руссо и другим подобным авторам? Возможно, в некоторых случаях потому, что читателям кажется, что эти исторические исследования прольют некий свет на общество, культуру, политику, скажем, в Англии XVII или Франции XVIII века. Но, безусловно, по большей части это продукция поддерживается «неисторическим» по своему характеру мнением, выдвигаемым историками и другими людьми по поводу интеллектуальной значимости работ Гоббса (а также Локка, Руссо...). Люди уделяют внимание таким мыслителям, как Декарт, Спиноза, Лейбниц, Руссо, Гегель, Маркс, Милль, Вебер, Хайдеггер и многим другим, потому что они считают, что эти мыслители (не важно по какой причине) были некогда способны мыслить, *преступая границы нормы* – то есть мыслить *необычно/экстраординарно* (в какой-то мере подобно тому, как Гендель сочинял музыку, а Пикассо писал картины). Повторю еще раз: я ни в коем случае не заявляю, что вся интеллектуальная история сосредоточена или должна быть сосредоточена на работах подобного рода. Например, существует направление интеллектуальной истории, в центре внимания которого находятся интеллектуалы, рассматриваемые как социальная группа, причем существо их идей не уделяется никакого внимания (или же очень малое внимание)³⁸, а другое направление занимается ошибочными представлениями заурядных людей³⁹. Но я утверждаю, что «ценностная предвзятость» (так это можно было бы назвать) является исключительно важным аспектом интеллектуальной истории.

Этот факт заставляет нас задуматься о том, что нам следует размышлять по поводу отношений интеллектуальной истории с «внешней средой» по крайней мере в двух направлениях. Во-первых, нам нужно поместить интеллектуальную историю в рамки, значительно шире тех, которые обычно подразумеваются под понятием академической дисциплины. Нам нужно помнить о наших студентах (подавляющее большинство которых не продолжают академическую карьеру) и о наших читателях за пределами академических кругов. Когда кто-то приписывает ценность каким-то картинам, или музыке, или книгам, или теориям и т.д., он оперирует не в закрытом академическом вакууме. Скорее, мы приписываем ценность чему-то, находясь в непосредственной зависимости от конкретных ситуаций нашего существования, от того, где мы жили, от нашего общего, аккумулированного опыта, от личных попыток

³⁸ Напр.: *Charle*. 1990.

³⁹ Напр.: *Stern*. 1961.

понять мир, от наших желаний и стремлений, наших чувств по отношению к другим людям и т.д. Например, предварительным условием для признания ценности «Отелло» или «Короля Лиры» является наш собственный или опосредованный опыт ревности или предательства. Те из нас, кто являются «профессорами», субсидирующими свои исследования с помощью преподавания умным студентам, которые, тем не менее, не стремятся к академической карьере, прекрасно осознают эту тесную связь между ценностью и бытием⁴⁰. Большая часть работы профессора интеллектуальной истории состоит в ознакомлении студентов с трудами и способами мышления, с которыми они вряд ли до этого встречались в своей повседневной жизни. В таком контексте часть работы профессора интеллектуальной истории состоит в том, чтобы показать взаимосвязь между той областью, которую он преподает, и современной жизнью.

Во-вторых (наконец-то!), есть вопрос о «правильных/должных» отношениях интеллектуальной истории с «другими академическими дисциплинами». Эти отношения подобны зеркальному отражению отношений интеллектуальной истории с «широкой аудиторией», которую мы часто встречаем среди студентов бакалавриата. Широкая аудитория хочет знать, чем полезен Х. Поэтому люди склонны задавать вопросы типа «Чем может помочь мне изучение Монтеня (или Декарта, или Руссо, или Маркса)?». Возьмем бестселлер 1997 года Алэна де Боттона (Alain de Botton) «Как Пруст может изменить вашу жизнь» (*How Proust can Change Your Life*) или книгу Сюзан Бейкуэлл (Susan Bakewell) 2010 года «Как нужно жить, или Жизнь Монтеня» (*How to Live, or, A Life of Montaigne*). На занятиях мы стараемся не упускать из вида этот вопрос «релевантности» и пытаемся помочь своим студентам увидеть ценность идей прошлого *именно для них*. Но когда интеллектуальные историки сталкиваются с представителями других академических дисциплин, лучше им «петь другую песню». Под «другими академическими дисциплинами» я подразумеваю любую область знания, в рамках которой идеи прошлого либо вообще не принимаются в расчет, или же *принимаются*, но без той особой ответственности, которая есть у историков в

⁴⁰ См. проводимое Мишелем де Серто различие между «профессором», которого «подталкивают к популяризации, направленной на «более широкую публику» (студентов и не студентов)», и «специалистом», «изгнанным из сферы потребления» (de Certeau 1988. [1975], 65). Де Серто не говорит о том, что специалист-историк выживает лишь потому, что в обществе, в котором он/она живет и действует, существует экзистенциальная ориентация на тот вид исследований, которыми он занимается. Только в таком случае специалисту будут платить.

отношении изучения прошлого именно *в качестве* прошлого⁴¹. Важным мотивом и причиной исследования идей прошлого является надежда на то, что мы таким образом узнаем что-то ценное в отношении настоящего и будущего. Например, знание о том, почему Маркс отверг рынок, вполне могут помочь нам провести разграничение между релевантным и нерелевантным в его идеях, в отличие от тех, кому идеи Маркса кажутся абсолютно нерелевантными. Однако очень часто в философии, политической теории, как и в других областях, существует тенденция не придавать значения взаимосвязи между идеями прошлого и особенностями той ситуации, в рамках которой эти идеи бытовали. Слишком часто на мыслителей или на теории прошлого надевают смирительную рубашку современной теории или современных предпочтений. Перед лицом общей ответственности историков за понимание специфики прошлого интеллектуальные историки должны особо акцентировать потенциально генерализируемые перспективы, которые можно извлечь из способов мышления, характерных для прошлого. С другой стороны, перед лицом тенденции некоторых не историков либо вовсе не обращать внимания на то, как мыслили в прошлом, либо подчинять это мышление современному способу теоретизирования или современным предпочтениям, интеллектуальные историки должны препятствовать этому, подчеркивая особенности мышления в прошлом на фоне грубого универсализма. Это само по себе может стать вкладом в настоящее, ведь грубый универсализм определенно играет роль в настоящем, когда некое мощное государство, пытаясь навязать свою волю другим странам, скрывает свои интересы за якобы универсальной идеологией.

4. Что Вы считаете наиболее важными темами и/или достижениями интеллектуальной истории?

Интеллектуальная история, с одной стороны, является особой областью внутри исторической дисциплины, но с другой, она гораздо шире. Когда Миккель Торуп (Mikkel Thorup) предложил мне ответить на эти пять вопросов, он также прислал мне список из 34-х имен других людей, к которым он обратился с аналогичной просьбой. Незначительное большинство из них – 18 человек – являются профессиональными

⁴¹ Одним из выражений этой исторической чувствительности можно назвать настойчивое утверждение Майкла Оукшотта о том, что история не является ни практической, ни теоретической областью: она не дает нам ни ясных и конкретных предписаний о том, как нам теперь действовать, ни теоретических обобщений, которые можно было бы применить к настоящему (Oakeshott. 1933). Подобную мысль высказывает и Анкерсмит в своих работах, особенно в: *Ankersmit, 2005*.

историками. Другие занимаются политологией (4), социологией (3), литературоведением (2), философией (2) и историей искусства – плюс пятеро «гибридных» ученых, сферу интересов которых трудно приписать какой-либо одной дисциплине. Список Торупа был совершенно произволен и ограничен (с чем, я не сомневаюсь, он бы согласился), но, тем не менее, он о многом говорит, подчеркивая один важный момент, а именно то, что неясно, где надо установить границы, внутри которых следует искать набор «наиболее важных тем и/или достижений». И конечно, сразу появляется еще один очевидный вопрос: важных для чего? Для какой сферы интересов? С точки зрения каких пожеланий?

Много лет назад в одном из коридоров Парижской национальной библиотеки я случайно услышал, как одна американская аспирантка, с которой я учился, заявила одному из охранников, что она пришла в библиотеку заниматься исследованием по ‘l’histoire intellectuelle’ («интеллектуальной истории»). Охраннику сказанное показалось странным и парадоксальным – разве не *любое* историческое исследование «интеллектуально»? Я во многом разделяю точку зрения этого француза, хотя и с оговоркой, что некоторые исторические работы более «интеллектуальны», чем другие – искуснее, оригинальнее, умнее. В этом смысле Марк Блок был интеллектуальным историком, что со всей очевидностью доказывает его великая книга «Феодальное общество»⁴², и равным образом – Фернан Бродель, что демонстрирует его «Средиземноморье и средиземноморский мир»⁴³, несмотря на то, что ни тот, ни другой, как историки, ничуть не склонялись к «интеллектуальной истории» как области исследования. То же можно сказать и о книге Саула Фридландера «Нацистская Германия и евреи»⁴⁴, исходя из того, как тонко и трогательно в ней удается представить, возможно, самые бередящие душу события современной европейской истории.

Но я должен по крайней мере *попытаться* ответить на вопрос Миккеля. Основным здесь я считаю попытку предложить некий «портрет» интеллектуальной истории как области и жанра – «портрет», который может быть интересен тем, кому любопытно узнать, чем является, или могла бы являться интеллектуальная история, а также полезен тем, кто хотел бы поглубже изучить эту область или жанр. Мне было бы легко просто дать список интересных работ, прочитанных мной в течение многих лет. Но такой список был бы слишком личным, слишком произ-

⁴² Bloch. 1961 [1939-40].

⁴³ Braudel. 1972-73 [1949, 1966].

⁴⁴ Friedlander. 1997, 2007.

вольным и ограниченным кругом моих интересов и моих же лакун. Мне практически ничего не известно об интеллектуальной истории за пределами европейского мира и очень немного об интеллектуальной истории Европы до Нового времени. Что касается тематики, то я очень хорошо представляю себе, что важно для меня, но нет никакой причины, чтобы важное для меня было важным для других людей.

Вместо этого, я перечислю некоторые работы, которые я считаю важными для жанра интеллектуальной истории. Можно было бы назвать их основополагающими текстами в том смысле, что они обеспечивают фундаментальные модели таких типов мышления, которые, по моему мнению, должны практиковаться в сфере интеллектуальной истории. Все эти авторы давно уже умерли, что, я надеюсь, сводит к минимуму вероятность того, что эти работы – сиюминутная мода.

Во-первых, это пятитомный «Исторический и критический словарь» Пьера Бейля⁴⁵. Я упоминаю эту работу из-за выдающейся способности Бейля выискивать неточности и противоречия в идеях предшественников и в принятой традиции, и даже еще больше из-за его потрясающей способности критиковать не только других, но и собственную критику⁴⁶.

Во-вторых, это «Новая наука» Джамбаттиста Вико⁴⁷. Важность этой работы состоит в бесхитростном доказательстве того, что разные люди, живущие в разных временах и пространствах, имеют глубоко различные способы мышления, и что если мы хотим понять значение того или иного утверждения, выдвинутого в рамках отличного от нашего культурного восприятия, мы прежде всего должны понять это утверждение именно внутри этих рамок. Это базовое правило интеллектуальной истории, и оно применимо далеко за пределами интеллектуальной истории и далеко за пределами академического мира⁴⁸.

⁴⁵ Bayle. 1965 [1697, 1702].

⁴⁶ Я мог бы добавить и «Критическую историю Ветхого Завета» (1682 [1680]) Ричарда Саймона, но Бейль значительно превосходит Саймона в своей способности к деконструкции.

⁴⁷ Vico. 2001 [1730, 1744]. – В рус. пер.: Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / Вступ. ст. М. А. Лифшица. М., [1940] (прим. пер.).

⁴⁸ Например, то же самое правило Вико говорит нам о том, что единственный способ для тех, кто находится далеко за пределами таких мест, как Ирак или Афганистан, понять, что там происходит, это погрузиться в иракский или афганский языки, культуры или религии... То же правило говорит нам, что нельзя понять «холодную войну» между США и СССР с 1945 до примерно 1990 г., не зная языков соперников, т.е. русского и английского – не только с целью получить доступ к «источникам» (в смысле военных и дипломатических документов), но (что, наверное, гораздо важнее) чтобы получить доступ к ментальным и эмоциональным мирам обеих сторон.

В-третьих, это «Лекции по истории философии»⁴⁹ Гегеля. Если Вико напоминает нам о тесных связях интеллектуальной истории с историей культур, то Гегель напоминает нам о ее тесном переплетении с философией; и хотя *первоочередной* задачей интеллектуального историка именно как историка не является определение истинности или ошибочности изучаемых им или ей прошлых теоретических предположений, именно ошибочная концепция культурной относительности побуждает историков избегать некоего обоснованного суждения по поводу адекватности теоретических утверждений, выдвинутых теми людьми прошлого, о которых он пишет.

Наконец, я порекомендовал бы «Цивилизацию итальянского Возрождения»⁵⁰ Буркхардта, потому что эта книга напоминает нам о том, что интеллектуальная история также тесно связана с миром представления и действия. В этом плане я упомяну и несовершенную, но глубоко вдохновенную работу Ницше «Рождение трагедии из духа музыки»⁵¹.

Очевидно, что этот список ограничен в нескольких планах. Он культурно специфичен, будучи ограничен областью европейской традиции. Но еще более он ограничен, так как является производным моего собственного узкого интеллектуального пути. И даже учитывая это, я опустил целые категории работ, которые послужили мне стимулом на различных этапах моей жизни. Например, я давно интересуюсь политической теорией, и история политической мысли является важной частью канона европейской интеллектуальной истории. На меня оказало очень сильное влияние эссе Питера Ласлетта, в котором он по-новому представил ситуацию создания «Двух трактатов о правлении» Локка: я прочитал эту работу в 1965 г.⁵² В рамках академических дебатов я также избирательно читал работы о взглядах Гоббса на естественный закон (natural law) и по другим аспектам теории Гоббса. Меня также глубоко интересовали Руссо и Дж. С. Милль, равно как Гегель, Маркс, Вебер, Дарвин и Фрейд, а также Ницше, Хайдеггер, Сартр, Гадамер, Фуко и Деррида. Но возможно, вы уже понимаете, что я хочу сказать, а именно то, что, по-моему, не так важно читать работы интеллектуальных историков в профессиональном смысле этого слова, как значимые труды, к какой бы категории или категориям они не принадлежали. Более того,

⁴⁹ *Hegel*. 1892-96 [1833, 1836].

⁵⁰ *Burckhardt*. 1990 [1860]. – На рус. яз.: *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения: Опыт исследования (пер. с нем.). М.: Интрада, 1996 (прим. пер.)

⁵¹ *Nietzsche*. 1993 [1872].

⁵² *Laslett*. 1960.

знакомиться с работами следует в определенном порядке: совершенно бессмысленно читать Хайдеггера, не имея базовых представлений о западной философии до Хайдеггера, или же впустую тратить время на Хардта (Hardt) и Негри (Negri), не зная Маркса.

5. *Каковы наиболее значимые проблемы в этой области и перспективы / пути ее развития?*

Меня не столько интересуют важные проблемы в области интеллектуальной истории, сколько важные человеческие проблемы, на которые интеллектуальные историки могли бы пролить свет. Однако эта формулировка, будучи недостаточно историчной, не совсем корректна. Хотя мы не можем четко увидеть контуры нашего собственного времени – как сказал Гегель, «сова Минервы вылетает только ночью» – это не мешает нам иметь интуитивные представления о настоящем⁵³. А в вопросах «открытых проблем» и «направлений прогресса» нам фактически нечем оперировать, кроме интуиции. Науки о человеке не делаются в лаборатории, это не техническая/прикладная область знания. В отличие от физических наук, у нас нет таких мощных новых устройств, которые позволили бы открыть ранее не зарегистрированные качества вещества. В отличие от медицинских наук, у нас нет набора *очевидно* желаемых и *вероятно* достижимых целей, с которыми будет согласен почти каждый (например, излечение или, по крайней мере, терапия различных заболеваний). Науки о человеке и среди них особенно гуманитарные науки – другие. Здесь мы имеем дело с чем-то гораздо более неопределенным: это ответ на «положение человека» (the human condition) (что бы это ни было) *в условиях современной конъюнктуры*.

В данном случае конъюнктурный элемент является существенным – а также самым сложным для понимания. Тем не менее, я подозреваю, что мы пережили, или же еще переживаем, время радикальной мутации, которая началась в 1989–1991 гг., когда прекратила свое существование советская гегемония над Восточной Европой, и когда прекратил свое существование сам СССР. За те двадцать или около того лет, что прошли со времени тех событий, мир кардинально изменился, а с ним и «открытые проблемы», являющиеся интригующими вопросами исторического исследования⁵⁴. Каковы эти «открытые проблемы»?

⁵³ Hegel. 1991 [1821], 23.

⁵⁴ В данном случае я имею в виду *критическое* историческое исследование. Историческая дисциплина появилась в XIX в. в качестве преданного апологета той формы национального государства, которая появилась после Французской революции. Большая (возможно, основная) часть исторических работ в мировом масштабе

Прежде всего, я хочу сказать, что многое из того, что произошло (или же просто стало более заметным) начиная с 1989–1991 гг., говорит нам о том, что религия, по всей вероятности, является одним из самых важных вопросов нашего времени. На самом деле в последние годы наблюдается рост исследований по интеллектуальной истории как в широком, так и узком смысле, сфокусированных на вопросах религии⁵⁵.

Во-вторых, крушение СССР обозначило более широкое крушение давно существовавшей государственной формы, а именно многонациональной империи, а также обозначило конец «холодной войны», которая в течение нескольких десятилетий «сдерживала пар» других типов конфликтов. Чаще всего в этих сдерживаемых конфликтах присутствовали серьезные национальные, этнические или религиозные компоненты. Соответственно, появилась новая «открытая проблема» – проблема взаимоотношения государств со своим населением и с понятиями этнической или религиозной «идентичности» среди этого населения, а также с другими государствами, в которых вполне могут существовать совпадающие или конкурирующие «идентичности». Это проблема для широкого круга дисциплин – для истории в целом, для политологии, антропологии, социологии – а не только для интеллектуальной истории.

В-третьих, огромной проблемой, появившейся в результате крушения коммунизма и не всегда замечаемой, стало крушение идеологий, направленных на поддержание *коллективной* деятельности людей (как, если брать американский пример, призыв Кеннеди в 1961 г. к индивидуальной жертве в поддержку «свободного мира»). Справедливости ради, стоит сказать, что война все еще, видимо, способна продуцировать определенную долю коллективного энтузиазма (как в американской «войне против террора» на ее начальных этапах). Но здесь коллективность существует только благодаря своему негативному отношению к другим коллективностям. Религия остается мощной силой в этом мире, но она выглядит непоправимо партикуляристской по своей природе (или «позитивной», как это называли Кант и Гегель), особенно тогда, когда она нацелена на обращение в свою веру.

Наконец, существуют проблемы планетарной экологии, которые, видимо, требуют некоторой коллективной рефлексии и хорошо проду-

оцелется по своей направленности национальной, даже когда (иногда) провозглашается «интернациональной» или «транснациональной». С другой стороны, в нашей дисциплине глубоко укоренена принципиальная озабоченность тем, чтобы разные времена и пространства, которые не находятся *hic et nunc*, исследовались в их *собственных рамках*. Трудно сказать, какая тенденция победит.

⁵⁵ Taylor. 2007; Howard .2003; Chapman et al. 2009.

манного коллективного действия. Вопрос здесь в следующем: как максимально увеличить наши шансы эффективно реагировать на реальность новой «эры Антропоцена» (отмеченной тем, что человеческая деятельность стала сама по себе мощной природной силой). Здесь вопрос состоит в том, пойдут ли люди «по пути прогресса» или, как в случае со средней продолжительностью жизни в странах с несовершенными социальными медицинскими системами, будет регресс.

Эти вопросы – место религии; взаимоотношения государства и идентичности; отсутствие (на данный момент) объединяющих коллективных факторов мотивации (нам прекрасно известно, что существуют *узконаправленные* мотивационные факторы); проблема реагирования на антропогенные изменения в окружающей среде – выходят далеко за пределы области интеллектуальной истории в двух смыслах. Во-первых, это вопросы для *множества* различных академических областей; и во-вторых, не факт, что вообще *какая-либо* академическая область может их разрешить. Тем не менее, историки в целом находятся не в худшей (по сравнению с другими учеными) позиции для того, чтобы напоминать своим современникам о случайности происходящего путем вербализации того, как было и как могло бы быть иначе, и демонстрации с помощью исторической репрезентации того, что не существует (и не существовало) явного (а значит, фаталистического) предопределения судьбы. Значительной частью этого проекта является размышление о последствиях идей прошлого и настоящего – отсюда и внимание к интеллектуальной истории. Безусловно, историки не могут сделать много, но мы знаем, что (к лучшему или к худшему) небольшие свершения нередко приводили к большим последствиям.

(пер. с англ. О. В. Воробьевой)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ankersmit F. R.* Narrative Logic: A Semantic Analysis of the Historian's Language. The Hague: Nijhoff, 1983.
- Ankersmit F. R.* Sublime Historical Experience. Stanford: Stanford University Press, 2005.
- Ankersmit F. R., Kellner H., eds.* A New Philosophy of History. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Bakewell S.* How to Live, or, A Life of Montaigne in One Question and Twenty Attempts at an Answer. New York: Other Press, 2010.
- Barthes R.* Mythologies / Trans. A. Lavers. New York: Hill & Wang, 1972 [1957].
- Bayle P.* Historical and Critical Dictionary: Selections / Trans. R. Popkin and C. Brush. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1965 [1697, 1702].

- Bennett J. W., Krueger C.* Agrarian Pragmatism and Radical Politics // *Lipset S. M.* Agrarian Socialism. Revised and expanded edition. Berkeley: University of California Press, 1971 [1950]. P. 346-363.
- Blackbourn D., Eley G.* The Peculiarities of German History: Bourgeois Society and Politics in Nineteenth-Century Germany. Oxford: Oxford University Press, 1984.
- Bloch M.* Feudal Society / Trans. L. A. Manyon. 2 vols.; Chicago: University of Chicago Press, 1961 [1939-40].
- Braudel F.* The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II / Trans. S. Reynolds. 2 vols.; London: Collins, 1972-73 [1949, 1966].
- Burckhardt J.* The Civilization of the Renaissance in Italy / Trans. S. G. C. Middlemore. London: Penguin, 1990 [1860].
- Chakrabarty D.* Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton NJ: Princeton University Press, 2000.
- Chapman A., Coffey J., Gregory B. S., eds.* Seeing Things Their Way: Intellectual History and the Return of Religion. Notre Dame IN: Notre Dame University Press, 2009.
- Charle C.* Naissance des 'intellectuels': 1880-1900. Paris: Éditions de Minuit, 1990.
- Danto A. C.* The Decline and Fall of the Analytical Philosophy of History // *Ankersmit F. R., Kellner H., eds.* A New Philosophy of History. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 70-85.
- Daston L.* Classical Probability in the Enlightenment. Princeton NJ: Princeton University Press, 1988.
- Davis N. Z.* The Return of Martin Guerre. Cambridge MA: Harvard University Press, 1983.
- De Botton A.* How Proust can Change Your Life. New York: Random House, 1997.
- De Certeau D.* The Writing of History / Trans. Tom Conley. New York: Columbia University Press, 1988 [1975].
- Derrida J.* Of Grammatology / Trans. by G. C. Spivak. Baltimore MD: Johns Hopkins, 1976 [1967].
- Derrida J.* Writing and Difference / Trans. Alan Bass. Chicago: University of Chicago Press, 1978 [1967].
- Elton G. R.* The Practice of History. London: Fontana, 1967.
- Friedlander S.* Nazi German and the Jews. Vol. 1. The Years of Persecution, 1933-1939. New York: HarperCollins, 1997
- Friedlander S.* The Years of Extermination: Nazi Germany and the Jews, 1939-1945. New York: HarperCollins, 2007.
- Hegel G. W. F.* Elements of the Philosophy of Right / Trans. H. B. Nisbet, ed. A. W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press, 1991 [1821].
- Hegel G. W. F.* Lectures on the History of Philosophy / Trans. E. S. Haldane and F. S. Simson. 3 vols. London: Kegan Paul, Trench, Trübner, 1892-96 [1833, 1836].
- Hexter J. H.* The Historian and His Day // *Hexter J. H.* Reappraisals in History. Evanston IL: Northwestern University Press, 1961 [1954]. P. 6-9.
- Hilberg R.* The Destruction of the European Jews. 3rd ed. New Haven CT: Yale University Press, 2003 [1961].
- Hollinger D. A. T. S.* Kuhn's Theory of Science and Its Implications for History // *American Historical Review.* 1973. № 78, 2 (April). P. 370-393.

- Howard T. A. A 'Religious Turn' in Modern European Historiography? // *Historically Speaking*. 2003. 4 (June). P. 24-26.
- Kennedy J. F. Inaugural Address. January 20, 1961 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pbs.org/wgbh/amex/presidents/35_kennedy/psources/ra_inaug.html
- Krieger L. *The German Idea of Freedom: History of a Political Tradition*. Boston: Beacon, 1957.
- Kristeller P. O., et al., ed.. *Catalogus Translationum et Commentariorum: Mediaeval and Renaissance Latin Translations and Commentaries: Annotated Lists and Guides*. Washington DC: Catholic University of America Press, 1960-.
- Kuhn T. S. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd, enlarged ed. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
- LaCapra D. *Rethinking Intellectual History: Texts, Contexts, Language*. Ithaca NY: Cornell University Press. 1993.
- Laslett P. *Introduction and Apparatus Criticus // Locke John*. Two Treatises of Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1960.
- Lipset S. M. *Agrarian Socialism*. Revised and expanded edition. Berkeley: University of California Press, 1971 [1950].
- Martin R. Let Many Flowers Bloom // *History and Theory*. 2010. 49, 3. P. 426-434.
- Megill A. *The Enlightenment Debate on the Origin of Language and Its Historical Background*: Ph.D. dissertation. Columbia University, 1975.
- Megill A. Foucault, Structuralism, and the Ends of History // *Journal of Modern History*. 1979. 51, 3 (September). P. 451-503.
- Megill A. *Prophets of Extremity: Nietzsche, Heidegger, Foucault, Derrida*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Megill A, ed. *Rethinking Objectivity*. Durham NC: Duke University Press, 1994.
- Megill A. *Karl Marx: The Burden of Reason (Why Marx Rejected Politics and the Market)*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002.
- Megill A. *Historical Knowledge, Historical Error: A Contemporary Guide to Practice*. Chicago: University of Chicago Press, 2007a.
- Мегилл А. Историческая эпистемология / Пер. М. Кукарцевой, В. С. Тимонина, В. Е. Кашаева; вст. статья М. Кукарцевой. Москва: Канон+ РООИ 'Реабилитация'. 2007b.
- Мегилл А. Карл Маркс: Бремя разума / Пер. М. Кукарцевой. Москва: Канон+ РООИ 'Реабилитация', 2011.
- Nadler S. M. *Arnauld and the Cartesian Philosophy of Ideas*. Princeton NJ: Princeton University Press, 1989.
- Nederman C. J. *Lineages of European Political Thought: Explorations Along the Medieval Modern Divide from John of Salisbury to Hegel*. Washington DC: Catholic University of American Press, 2009.
- Nietzsche F. W. *The Birth of Tragedy out of the Spirit of Music* / Trans. Shaun Whiteside, ed. Michael Tanner. London: Penguin, 1993 [1872].
- Nixon R. M. Address to the Nation about the Watergate Investigations, April 30, 1973 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pbs.org/wgbh/amex/presidents/37_nixon/psources/ps_water1.html
- Oakeshott M. *Experience and Its Modes*. Cambridge MA: Harvard University Press? 1933.

- Palonen K.* Quentin Skinner: History, Politics, Rhetoric. Cambridge: Polity Press? 2003.
- Simon R.* Critical History of the Old Testament / Trans. a Person of Quality. London: Walter Davis [repr. Vance Publications, Pensacola FL, 1682 [1680] [Электронный ресурс]. – URL: www.vancepublications.com
- Skinner Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas // *History and Theory*. 1969. 8, 1. P. 3-53.
- Skinner Q.* Regarding Method (vol. 1 of Skinner, *Visions of Politics*). Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Spivak G. C.* Translator's Preface // *Derrida J.* Of Grammatology / Trans. G. C. Spivak. Baltimore MD: Johns Hopkins, 1976 [1967]. P. ix-lxxxvii.
- Stern F.* The Politics of Cultural Despair: A Study in the Rise of the Germanic Ideology. Berkeley: University of California Press, 1961.
- Stjensfelt F., Jeppesen M. H., Thorup M., eds.* Forthcoming // *Intellectual History: 5 Questions*. Automatic Press/VIP, Copenhagen [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vince-inc.com/contact.html>
- Taylor Charles.* A Secular Age. Cambridge MA: Harvard University Press, 1997.
- Tully J., ed.* Meaning and Context: Quentin Skinner and his Critics. Cambridge: Polity Press, 1988.
- Vann R. T.* Turning Linguistic: History and Theory and *History and Theory, 1960-1975* // *Ankersmit F. R., Kellner H., eds.* A New Philosophy of History. Chicago: University of Chicago Press, 1995. P. 40-69.
- Vico G.* New Science: Principles of the New Science Concerning the Common Nature of Nations / Trans. D. Marsh, with an introduction by A. Grafton. London: Penguin, 2001 [1730, 1744].
- White H. V.* Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore MD: Johns Hopkins University Press, 1973.
- Аллан Мегилл, профессор, исторический факультет, Университет Вирджинии, США; megill@virginia.edu*